

УДК 32

Особенности проявления государственного терроризма в политике государств

Пинчук Андрей Юрьевич

Кандидат политических наук,
Первый проректор,
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
127994, Российская Федерация, Москва, переулок Вадковский, 1;
e-mail: a.pinchuk@stankin.ru

Аннотация

В настоящей статье раскрыты сущность и специфика проявлений государственного терроризма как особой формы террористической деятельности. Отмечено, что государственный терроризм фактически укрепляет монополию на законное насилие, осуществляемое государством. В этой связи задача исследователей должна состоять в определении того, можно ли квалифицировать акты насилия со стороны представителей государства как государственный терроризм и когда акты государственного терроризма являются частью более широкой, институционализированной политики. В целом, государственный терроризм принимает две формы. Первая связана с мелкомасштабными операциями, направленными на конкретные цели, которые следует назвать ограниченным государственным терроризмом. Это включает в себя разовые события и мелкомасштабный террор, направленный против одной группы или сектора или серии мелких операций. Вторая форма государственного терроризма заключается в том, чтобы внушать страх широким слоям населения. Это можно было бы назвать обобщенным или расширенным государственным терроризмом, предполагающим его использование в качестве инструмента для контроля над населением в мирное время или во время войны. Тем не менее, задача исследователей должна состоять в определении того, можно ли квалифицировать акты насилия со стороны представителей государства как государственный терроризм.

Для цитирования в научных исследованиях

Пинчук А.Ю. Особенности проявления государственного терроризма в политике государств // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 91-97.

Ключевые слова

Терроризм, государственный терроризм, методы терроризма, принуждение, кампания противодействия, права человека.

Введение

Результаты изучения феномена государственного терроризма свидетельствуют о том, что он может включать в себя следующие четыре ключевых элемента: 1) должен быть намеренный акт насилия в отношении лиц, которых государство обязано защищать, или угроза совершения такого акта при наличии атмосферы страха, существующей уже благодаря предыдущим актам насилия со стороны государства; 2) это деяние должно быть совершено субъектами от имени или совместно с государством, в том числе военизированными формированиями или частными агентами; 3) акт или угроза применения насилия имеет цель вызвать крайний страх у некоторых целевых наблюдателей, которые идентифицируют себя с жертвой; 4) целевая аудитория вынуждена каким-либо образом изменить свое поведение. При этом общий подход к государственному терроризму определяет тем, что изменение поведения в целевой аудитории должно иметь политический характер.

Основная часть

Следует отметить, что в рамках международных отношений наблюдается значительное сопротивление самой идее о том, что государства могут быть виновниками терроризма, даже несмотря на то, что подавляющее большинство актов государственного насилия, особенно в отношении местного населения, в качестве цели определяет террор и приводит к гораздо большим жертвам, чем акты негосударственного терроризма. Часто считается, что, поскольку существование государства основано на его монополии на принудительную власть, существует фундаментальное различие между терроризмом, совершаемым негосударственными субъектами, и насилием, совершаемым государством. Иными словами, «государствам разрешается применять насилие, поэтому мы не должны называть его терроризмом».

Государственный терроризм широко используется репрессивными режимами в качестве инструмента для сдерживания политической оппозиции. Использование терроризма государствами, которые в настоящее время считаются мировыми лидерами с точки зрения их демократических принципов и прав человека, как в прошлом, так и в настоящее время, редко признается и гораздо менее хорошо понимается. При этом использование терроризма этими государствами лучше всего понимается с точки зрения их более широких внешнеполитических целей. Следуя исторической традиции, можно утверждать, что существует важная преемственность во внешней политике ныне могущественных либерально-демократических государств, которая восходит к еще европейской колониальной эпохе. В частности, эти государства последовательно стремятся обеспечить доступ к ресурсам и господство над ними в государствах Юга. Там, где это необходимо, принуждение, в том числе с использованием государственного терроризма, подкрепляются усилия по достижению этих целей, особенно в тех случаях, когда более согласованные средства их достижения, как представляется, могут оказаться безуспешными.

Принуждение изначально доминировало в колониальной практике европейских держав, как в процессе колонизации, так и в рамках усилий по поддержанию контроля над завоеванными территориями, а также в раннем американском империализме. Империи, практикуемые европейскими постфеодальными государствами, были направлены на доминирование торговли и добычу ресурсов, посредством эксплуатации труда коренных народов, а в некоторых

случаях – посредством доставки рабского труда с одной завоеванной территории в другой регион империи.

В послевоенную эпоху несколько европейских держав использовали широко распространенные методы государственного терроризма при противостоянии в своих выживших колониях движениям за национальную независимость. Неизбирательные задержания и пытки широко применялись в Кении, находившейся под британским управлением, в 1950-х годах и во французском Алжире во время войны 1960-х годов [Blakeley, 2009].

В начале 20 века деятельность США уже была на подъеме. Они уже проявили свою волю в войне 1901-02 годов, направленной на то, чтобы поставить Филиппины под контроль США; война, в которой американские войска участвовали с применением пыток, изнасилований, расстрелов, повешений и систематического сжигания домов и деревень, все они были направлены на подавление поддержки повстанцев [Welch, 1974]. Это был лишь небольшой спектр методов, которые будут использоваться в дальнейшем для продвижения интересов США и закрепления США в качестве глобального гегемона ко второй половине двадцатого века. На протяжении холодной войны вмешательство США во всем мире было публично оправдано как необходимое для сдерживания коммунизма. Часто основной императив, связанный с проведением принудительных мероприятий, направленных на борьбу с антиподами развивающегося американского мирового порядка, в основу которого была положена всеобщая свободная торговля как американский стратегический приоритет [Layne, 2006]. Официальные лица недвусмысленно указывали на экономические угрозы, создаваемые для США при избрании «левых» правительств, и часто заявляли, что вмешательство в поддержку репрессивных режимов будет служить капиталистическим интересам США.

Кампании противодействия (КП), проводимые местными военными и военизированными группами при щедрой поддержке Вашингтона, были отличительной чертой спонсорства США государственного терроризма на протяжении всей послевоенной эры. Помощь США в области безопасности своим союзникам в нестабильных регионах была направлена на переориентацию сил безопасности от внешней обороны к внутренней безопасности, патрулированию населенных пунктов в целях борьбы с признаками политических беспорядков или подрывной деятельности. КП формировали основу помощи США, десятки тысяч офицеров иностранных сил безопасности проходили подготовку на протяжении холодной войны в США и за ее пределами [Blakeley, 2006; Priest, 1998]. Обучение США борьбе с повстанцами фокусировалось не только на разгроме вооруженных групп, но и на контроле над населением страны, в пределах которой находятся обучаемые, для нейтрализации признаков «подрывной» деятельности.

Государственный терроризм включает в себя преднамеренные угрозы или акты насилия в отношении потерпевших со стороны представителей государства, или с угрозой применения такого насилия, когда уже сформирована атмосфера страха уже проведенными актами государственного терроризма, чтобы вызвать страх у определенных наблюдателей, которые идентифицируют себя с жертвой, так что целевая аудитория будет вынуждена рассмотреть вопрос об изменении их поведения в некотором роде. Государственный терроризм фактически укрепляет монополию на законное насилие, осуществляемое государством, хотя в рамках международных норм и права ясно, что некоторые акты государственного насилия не допускаются. Широкое распространение государственного терроризма может возникать в результате применения других форм государственного насилия, когда главной целью является не террор, а вторичное и зачастую желанные последствия.

Определить намерения государственных субъектов нелегко. Часто их цели, в лучшем случае, будут неоднозначными. Это объясняется главным образом тем, что в большинстве случаев правительства стремятся скрыть масштабы использования ими методов терроризма, а когда такая деятельность подвергается опасности, она, как правило, оправдывается как «необходимые меры» или более благожелательно, как «действия полиции» [Nicholson, 1986]. При выявлении такой деятельности требуются значительные аналитические усилия для определения того, является ли такой акт государственным терроризмом, поскольку они вряд ли будут включены в основные массивы данных о террористических актах. Это также означает, что не всегда возможно сделать конкретные выводы о том, представляют ли собой определенные акты государственный терроризм.

Политизированное гражданское общество всегда характеризовалось как угроза стабильности и, следовательно, как легитимная цель кампаний противодействия [Stokes, Raphael, 2010]. С точки зрения США, «психологические операции» («psyops») рассматриваются как основная форма этих усилий, нацеленных на «местное гражданское население», включая развертывание программ, предназначенных для внушения сомнений и страха. Однако, если «psyops» потерпит неудачу, может возникнуть необходимость в более агрессивных действиях в виде жестокого обращения или даже похищений. Похищение и жестокое обращение с ключевыми вражескими гражданскими лицами может ослабить веру коллаборационистов в силу и мощь их вооруженных сил [Field Manual, 1962].

Принуждение, часто с использованием стратегии террора, было доминирующим средством, с помощью которого США установили контроль над ресурсами и рынками за рубежом во время «холодной» войны. Оно и сегодня продолжает составлять основу стратегии США в тех случаях, когда маловероятно, что развертывание «неолиберализма» будет происходить без сопротивления. Это отчетливо видно на примере Колумбии, которая получала огромные суммы военной поддержки США, проводя кампанию государственного террора, чтобы оградить капиталистические социальные отношения от сопротивления [Stokes, 2001]. Хотя помощь США определяется по-разному как антикоммунистическая, контрнаркотическая или антитеррористическая кампания, она в первую очередь предназначена для обеспечения процессов неолиберализации, особенно в нефтяном секторе Колумбии. Так, подразделения, получающие прямую американскую подготовку и финансирование, на протяжении десятилетий проводили устойчивую кампанию государственного террора, направленную против политиков, профсоюзных деятелей, церковных лидеров, правозащитников и общественных активистов. пытки и исчезновения носили эндемический характер и конкретно были направлены на создание страха среди широких слоев населения [The «Sixth Division», 2001].

Следует отметить, что использование военизированных формирований и частных сил безопасности является стратегией, которую часто применяют государства, желающие скрыть свое участие в насилии. Использование военизированных формирований может также повысить степень террористического влияния, с которым сталкиваются целевые аудитории, помимо того, что является результатом собственно военного насилия. Как отмечает М. Штоль [Stohl, 2006], страх максимизируется за счет использования заведомо слабых групп, которые широко признаны в обществе и предназначены действовать в качестве агентов государства, но которые юридически ограничены таким образом, что не могут быть признаны как официальные органы. Хотя государства часто делают все возможное для того, чтобы скрыть свое соучастие в терроризме в отношении своего собственного или внешнего населения, тем не менее, всегда есть объекты для подобных актов, права которых и нарушаются.

Права человека это те права, которые все граждане имеют в соответствии с международным правом как в мирное время, так и во время вооруженных конфликтов. Наиболее важными из них являются право на жизнь, запрещение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, запрещение рабства и подневольного состояния. Нападения на вооруженных комбатантов противника являются законными в ходе военных действий, однако некоторые акты, тем не менее, запрещены. К ним относятся убийства военнопленных или применение к ним пыток или других бесчеловечных, или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Они представляют собой незаконные акты государственного насилия, когда нарушаются законы, запрещающие такие акты, государства также могут быть виновны в государственном терроризме, если эти незаконные акты были направлены на запугивание более широкой аудитории или имели своим результатом причинение смерти. Следовательно, государственный терроризм ничем не отличается от негосударственного терроризма по своим характеристикам. Общим для большинства определений государственного терроризма являются три ключевых элемента. Во-первых, речь идет об угрозах или актах насилия, направленных против «защищаемой жертвы». Во-вторых, насильственный субъект стремится, чтобы насилие вызвало террор у некоторых категорий свидетелей, которые, как правило, отличаются от жертвы. В-третьих, насильственный субъект намеревается или ожидает, что запуганный свидетель насилия каким-либо образом изменит свое поведение [Walter, 1969].

Единственное различие между терроризмом, совершаемым государственными и негосударственными субъектами, заключается в агенте, совершающем акт. Поэтому для того, чтобы акт представлял собой государственный терроризм, существует четвертый элемент: акт совершается агентами от имени или совместно с государством, включая полувоенных и частных агентов безопасности, против лиц, которых государство обязано защищать. Это имеет особое значение, поскольку помогает проводить важное различие между отдельными случаями преступной деятельности или государственного насилия, с одной стороны, и государственным терроризмом-с другой. Государства считают, что терроризм способствует достижению их политических целей. Но большая часть государственного насилия используется для принуждения населения к выполнению желаний элит, использующих насилие для того, чтобы вселить страх в аудиторию за пределами прямой жертвы насилия.

Заключение

В целом, государственный терроризм принимает две формы. Первая связана с мелкомасштабными операциями, направленными на конкретные цели, которые следует назвать ограниченным государственным терроризмом. Это включает в себя разовые события и мелкомасштабный террор, направленный против одной группы или сектора, или серии мелких операций.

Вторая форма государственного терроризма заключается в том, чтобы внушать страх широким слоям населения. Это можно было бы назвать обобщенным или расширенным государственным терроризмом, предполагающим его использование в качестве инструмента для контроля над населением в мирное время или во время войны. Тем не менее, задача исследователей должна состоять в определении того, можно ли квалифицировать акты насилия со стороны представителей государства как государственный терроризм и когда акты государственного терроризма являются частью более широкой, институционализированной

политики. Преодолеть некоторые из существующих проблем возможно, поместив конкретные акты государственного насилия в гораздо более широкий контекст восприятия государственного терроризма.

Библиография

1. Blakeley R. State Terrorism and Neoliberalism: The North in the South // Routledge Critical Terrorism Studies. London: Routledge. 2009. P. 84-85.
2. Blakeley R. Still Training to Torture? US Training of Military Forces from Latin America // Third World Quarterly. 2006. № 27 (8). P. 1439-61.
3. Field Manual: Psychological Operations. Washington DC: US Department of Defense. 1962. P. 33-35.
4. Layne C. The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present. New York: Cornell University Press. 2006.
5. Nicholson M. Conceptual Problems of Studying State Terrorism // Michael Stohl and George Lopez (eds.) Government Violence and Repression: An Agenda for Research. New York: Greenwood Press, Inc, 1986. P. 27-44.
6. Priest D. US Military Trains Foreign Troops // Washington Post. 12 July 1998.
7. Stohl M. The State as Terrorist: Insights and Implications // Democracy and Security. 2006. № 2. P. 1-25.
8. Stokes D., Raphael S. Global Energy Security and American Hegemony. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2010. P. 62-74.
9. Stokes D. America's Other War. London: Zed Books. 2005.
10. The «Sixth Division»: Military-Paramilitary Ties and US Policy in Colombia. New York: Human Rights Watch, 2001.
11. Walter E. Terror and Resistance. Oxford: Oxford University Press, 1969.
12. Welch R. American Atrocities in the Philippines: The Indictment and the Response // The Pacific Historical Review. 1974. №43 (2). P. 233-253.

The characteristics of the manifestation of state terrorism

Andrei Yu. Pinchuk

PhD in Political Science, the first pro-rector,
Moscow State University of Technology «STANKIN»,
127994, 1 Vadkovskii lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.pinchuk@stankin.ru

Abstract

This article discloses the nature and specificity of manifestations of state terrorism as a special form of terrorist activity. It is noted that state terrorism actually strengthens the monopoly on legitimate violence carried out by the state. In this regard, the task of researchers should be to determine whether acts of violence by State agents can be qualified as state terrorism and when acts of state terrorism are part of a broader, institutionalized policy. In general, state terrorism takes two forms. The first is related to small-scale operations aimed at specific goals, which should be called limited state terrorism. This includes one-time events and small-scale terror directed against one group or sector or a series of small operations. The second form of state terrorism is to arouse fear of wide sections of the population. This could be called generalized or expanded state terrorism, which presupposes its use as a tool for controlling population in peacetime or during a war. Nevertheless, the task of researchers should be to determine whether acts of violence by state agents can be qualified as state terrorism. Overcoming some of the existing problems is possible by placing specific acts of state violence in a much broader context of perceptions of state terrorism.

For citation

Pinchuk A.Yu. (2018) Osobennosti proyavleniya gosudarstvennogo terrorizma v politike gosudarstv [The characteristics of the manifestation of state terrorism]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (4A), pp. 91-97.

Keywords

Terrorism, state terrorism, methods of terrorism, coercion, campaign of counteraction, human rights.

References

1. Blakeley R. (2009) State Terrorism and Neoliberalism: The North in the South. In: *Routledge Critical Terrorism Studies*. London: Routledge.
2. Blakeley R. (2006) Still Training to Torture? US Training of Military Forces from Latin America. *Third World Quarterly*, 27 (8), pp. 1439-61.
3. (1962) *Field Manual: Psychological Operations*. Washington DC: US Department of Defense.
4. Layne C. (2006) *The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present*. New York: Cornell University Press.
5. Nicholson M. (1986) Conceptual Problems of Studying State Terrorism. In: Michael Stohl and George Lopez (eds.) *Government Violence and Repression: An Agenda for Research*. New York: Greenwood Press, Inc.
6. Priest D. (1998) US Military Trains Foreign Troops. *Washington Post*, 12 July.
7. Stohl M. (2006) The State as Terrorist: Insights and Implications. *Democracy and Security*, 2, pp. 1-25.
8. Stokes D., Raphael S. (2010) *Global Energy Security and American Hegemony*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
9. Stokes D. (2005) *America's Other War*. London: Zed Books.
10. (2001) *The «Sixth Division»: Military-Paramilitary Ties and US Policy in Colombia*. New York: Human Rights Watch.
11. Walter E. (1969) *Terror and Resistance*. Oxford: Oxford University Press.
12. Welch R. (1974) American Atrocities in the Philippines: The Indictment and the Response. *The Pacific Historical Review*, 43 (2), pp. 233-253.